

Поучение Святителя Макария (Невского), Митрополита Московского и Коломенского (+1926г.) в неделю Ваий

В видимом мире видится приближение весны — времени посева для земледельцев. И в духовном мире есть своя весна — время сеяния на духовных нивах душ христианских. Это время настоящего великаго поста. Земледельцы сеют хлебныя семена весной, а зимой сеять невозможно: тогда истребляется то, что было посеяно весной, пожато летом и собрано осенью. И в духовном мире есть своего рода зима, когда не сеют духовных семян, а только истребляют посеянное. Таковой зимой для духовнаго делания можно назвать время, предшествующее посту — время святочных и масляничных дней, время увеселительных зрелищ в театрах, цирках, время балов и других греховных увеселений. Тогда, действительно, многие и весьма многие заняты исключительно истреблением всего посеяннаго во дни святых праздников и постов. Земледельцы сеют некоторых семян много, как существенно необходимых для питания в течение всего года, а некоторых немного, только для приправы к кушаньям. И при духовном сеянии происходит нечто подобное. У земледельца считается существенно необходимым хлебныя семена: пшеница, рожь, ячмень и т. п., а у делателей на духовной ниве необходимыми семенами считаются добродетели: смирение, сокрушение сердца, кротость, чистота, терпение, воздержание. Земледельцы не в одно и то же время сеют все семена, но одни раньше, другие позднее. И святая Церковь, приглашая чад своих к духовному деланию, указывает им в какое время на какия добродетели должно быть обращено особенное внимание для упражнения в них. Так, в одну неделю она указывала на смирение мытаря, в другую на покаяние блуднаго сына; во второй неделе поста она учила духовному деланию — умной молитве, чрез которую достигается чистота сердца, вспоминая защитника православнаго учения об этой молитве, св. Григория Паламу; затем указывала на крест Христов для того, чтобы ободрить духовных делателей в подвиге поста. На пятой неделе, как образец подвигов в борьбе со грехом, она вспоминала Марию Египетскую; при вступлении в шестую неделю четырехдесятницы Церковь, напоминанием из Евангельской притчи о богатом и Лазаре, указывала подвижникам благочестия на дела милосердия.

Последуя наставлениям матери нашей святой Церкви, мы в настоящий день пастырским долгом своим считаем пригласить вас, возлюбленные братие о Господе, к сеянию духовнаго семени — милостыни, составляющей одну из важнейших, существенно необходимых для духовной жизни добродетелей.

Милостыня есть плод христианской любви; а любовь составляет совокупность совершенств: все добродетели заключаются в заповеди о любви; стяжавший любовь приобрел все добродетели.

Если бы нужно было для кого-либо указание, куда в настоящий день направить вашу милостыню, этот плод любви христианской, то мы указали бы на тех собирателей, которые в этот день назначены для принятия жертв любви христианской. Из надписей, которые они имеют при себе, при обхождении среди богомольцев с блюдами, вы увидите, что этот сбор назначен на нужды Императорского Православного Палестинского Общества. А таковыя нужды составляют, между прочим, следующее: утверждение православия в Святой Земле; охранение православных христиан, обитающих в пределах Святой Земли, от совращения их в инославныя исповедания — католичество и протестантство; устройство в Св. Земле православных храмов; устройство школ, больниц и приютов для детей православных жителей этой страны. В то же время нужно бывает там оказывать помощь православным русским богомольцам, приходящим в Св. Землю для поклонения Гробу Господню и другим святыням; для таковых богомольцев устроены в св. граде Иерусалиме и других местах странноприимные дома с больницами и другими приспособлениями. На все это требуется много и весьма много средств. А эти средства собираются по преимуществу в настоящую неделю Ваий, когда празднуется вход Господень в Иерусалим.

Итак, уготовайте себя для такого духовнаго сеяния — милостыни, на утверждение православия в Св. Земле, на помощь нуждающимся обитателям этой Земли, на воспитание детей их в истинах православной веры, правилах благочестия, на устройство странноприимных домов, больниц для наших православных русских богомольцев, на облегчение им пути, когда они отправляются в Св. Землю и обратно.

Не будем скупы при подаянии милостыни, зная, что даем не людям, а Богу; подающий милостыню делает должником своим Бога, Который любит воздавать сторицею тому, кто дает Ему чрез бедных и больных, которых Он благоволит называть братьями Своими. Чем больше милостыня, тем щедрее будет за нее воздаяние; сеющий скупо, скупо и пожнет.

Слово священномученика Арсения (Стадницкаго) (+1936г.) митрополита Новгородскаго и Старорусскаго в неделю Ваий

Об изменчивости человеческих чувств.

Перенесемся с вами, братие и сестры, мыслию почти за две тысячи лет назад и представим себе славный и дорогой для христиан град Иерусалим в те отдаленные от нас времена. Перенесемся к последним дням земной жизни Спасителя и посмотрим, что делалось тогда.

В славной Иудейской столице, граде мира, Иерусалиме происходит нечто необычайное: улицы полны народа; все куда-то спешат; взоры каждого обращены к Елеонской горе, мимо которой проходит путь из близлежащего селения Вифании. Вот приближаются несметные толпы народа, сопровождающая сидящего на ослиати человека. Вы обращаете взоры ваши на него и узнаете дорогой лик. Он знаком вам по иконам. Сколько раз вы обращали свои взоры на этот светлый лик и получали отраду, утешение! Вы узнаете Спасителя. По мере приближения Его к Иерусалиму, толпы людей увеличиваются, а вместе с тем растет и восторг сопровождающих Его. Народ оказывает высокие почести Грядущему на ослиати: снимает с себя одежду и постилает под ноги осла, срывает пальмовые ветви и покрывает ими дорогу, от восторга потрясает руками. А над всем этим слышатся громкие крики, сливающиеся в один гул подобно грому, подобно бушующим волнам, — то дети еврейския взывают: «Осанна Сыну Давидову».

Что-же вызвало такие поразительные восторги народа? Праздника в этот день не было, до Пасхи еще оставалось несколько дней. Спаситель и раньше приходил в Иерусалим и не только никаких восторгов не встречал, никаких почестей не удостоивался, а, напротив, возбуждал у многих злобу и ненависть. Откуда же такая резкая перемена теперь: общий подъем народного духа и поистине царская встреча?

Чтобы понять происшедшее, — нужно принять во внимание только что совершенное Спасителем воскрешение Лазаря. Чудо это было настолько поразительно, что народ не мог не уверовать во Христа, как обетованного Мессию. Весть о чудесном событии с Вифанским Лазарем быстро распространилась по Иудейским городам и весям. И вот народ узнает, что Сам Чудотворец идет в Иерусалим. Вполне естественно, что он приветствует Христа не как человека, а как Бога. Сомневаться в искренности происходившей встречи нельзя было. Иностранцы, присутствовавшие тогда в еврейской столице в виду приближения Пасхи, могли сказать: вот истинная любовь Израиля к своему царю.

Но в то время, как народ торжествовал пред лицом своего Мессии, Спасителя, по свидетельству Евангелиста, плакал... Почему же? Он видел будущее приветствовавшего его народа и города, и плакал... Его состояние не могло быть понятно толпе, которая видела только события, но не в состоянии была проникнуть в их сущность. Христос же, как Богочеловек, за раскрывавшимися блестящими внешними картинами видел другие картины. Он знал, что всего чрез несколько дней эта самая толпа, кричащая сейчас «осанна», будет вопиять «распни Его». Чувства у каждого изменчивы, а у толпы в особенности. Толпа — что море. Ее настроение похоже на поверхность морскую. Ее чувства так же скоро преходящи и капризны, как и вода. Подует маленький ветерок, и море заволнуется. Так и народ: сегодня он приходит в восторг, а завтра неистовствует, негодует. Спаситель видел, что чувства народа и в данную минуту не глубоки, и плакал, — плакал не о Себе, потому что явился на землю для нас, для нашего спасения, — Он плакал об Иерусалиме, о народе, который не уразумел великих дней и возстал против столь долго ожидаемого им Мессии.

Да, братие, если сопоставить торжественный вход Христа в Иерусалим с последовавшими вскоре событиями, — нас не может не удивить поразительная изменчивость чувства. Поневоле приходишь к заключению, что нельзя доверяться чувствам, сердцу. Человеческий восторг и ненависть — это дуновение ветра: как ветер переменчив, так и чувства; сегодня любовь, завтра — ненависть. В момент страданий Спасителя человеческое сердце с поразительностью открыло непостоянство своих привязанностей. Куда у подножия креста девалась народная любовь? Достаточно было появиться нескольким лжесвидетелям, довольно было произнести несколько обвинительных слов, и приговор народа был готов: Христос — не Мессия, Сын Божий и Царь Израилев, а — преступник, нарушитель законов Божиих и человеческих; Спаситель, Который говорил об исполнении закона, является пред судом нарушителем закона, достойным смерти. Уже не кричат Ему «осанна», да здравствует, а слышится грозное «распни Его».

Впрочем, чувства человеческой привязанности были изменчивы не только две тысячи лет назад и не только по отношению к одному Спасителю. Я мог бы показать подобные примеры и из истории родной нашей Руси; но, за недостатком времени, я умолчу об этом. Хочу лишь обратить ваши взоры на предстоящие дни Страстной седмицы, и вы тогда, быть может, увидите, что и мы можем сегодня кричать «осанна», а завтра «распни Его».

Вот наступают великие дни страданий Спасителя. Святая Церковь воплотила каждый момент жизни Иисуса Христа в особых службах, молениях и обрядах. Но особенно подробно и живо вспоминаются события из земной жизни Христа в Страстную седмицу. Все, что Он говорил и делал, и вся последовательность

Голгофских событий в ярких красках возстает в эти дни перед нашими глазами. Вся Страстная неделя так чудна по своему богослужению и обстановке, что лучшего церковного времени и отыскать нельзя. Совершающиеся священнодействия велики и знаменательны, песнопения трогательны и выражают сущность воспоминаемых событий. В великие Четверг и Пятницу, например, перед нами так живо раскрывается вся чудесность нашего спасения и неизмеримая великость и ценность Крестной Жертвы. Мы видим: как современники глумятся над Великим Праведником, как Иуда целует и предаёт своего Учителя, как Его распинают и как Он предаёт Богу дух Свой. Мы это так живо представляем себе, как будто сами являемся очевидцами Евангельских событий, слышим Его молитву за Своих врагов: «Господи, прости им: не ведают бо что творят»; видим гвозди, вбиваемые в Его руки и ноги, зрим пролитую пречистую кровь. Мы чрез символы богослужения присутствуем около Христа до последнего Его вздоха, погребаем вместе с Никодимом и Иосифом Его пречистое тело...

Наступает Великая Суббота. Не испытывали ли вы, что в этот великий день как будто вы потеряли нечто незаменимое, часть дорогого существа? Спаситель во гробе... Вы ждете и надеетесь, что смерть не может победить Безсмертного и что временное ея торжество должно разрешиться победой жизни. И действительно, Христос воскресает и побеждает смерть и ад. Теперь все преобразуется. Где та печаль, которая сковывала лица всех? Она претворяется в радость с воспоминанием о великом священном дне. Вот когда христианин чувствует всю силу и божественность своей религии! Вот когда в нашем сердце напечатлеваются светлые чувства, которые остаются на всю жизнь! Спросите кого-нибудь: какая у него от детства сохранились самые лучшие воспоминания? Он вам укажет на Страстную и Пасхальную седмицы. О, если бы подобныя священныя воспоминания сохранились во всей чистоте и во всю нашу жизнь! Если бы этот чистый пламень разгорался все больше и больше! Если бы наш дух, поднятый священными воспоминаниями на небесную высоту, постоянно находился на ней! Но, к сожалению, огонь религиозной жизни скоро потухает, когда нас объемлет житейская суета. И часто сердце наше, которое, казалось, было полно неизмеримой любви ко Христу, объемлется пустотою. Наш ум, познавший Христа в таинстве Крещения, в житейской суете легко забывает, что он облекся во Христа, и естественную преданность Ему вторично заменяет криком: «распни Его».

Евреи кричали при встрече «осанна», а чрез несколько дней «распни Его». Они в знак своего восторга пред Мессией срывали пальмовыя ветви, снимали с себя одежды и постилали ими дорогу, а чрез короткое время били Его тростию, срывали с Него одежды, издевались над Ним. Мы также в знак нашего

приветствия «грядущему на вольную страсть» Спасителю получаем ветви, хотя и не пальмовые. Но есть ли наше торжество — искреннее влечение сердца и начало нашего душевного обновления? Вчера я был свидетелем, как вы восторгались Спасителем, стараясь получить маленькую веточку; пот лился с ваших лиц; получался иногда от скопления людей даже некоторый беспорядок, но он в такие минуты простителен; и я умилялся, видя желание каждого иметь в своих руках освященную веточку вербы. А вот сегодня я не вижу уже столь много народа, — храм начинает пустеть, и, быть может, в ближайшие дни я не увижу здесь уже никого. Те, которые еще вчера кричали «осанна», не придут в эти великие дни в храм и через то выразят сочувствие распинателям Христа, крича вместе с ними: «распни Его». А между тем, в эту неделю совершается чудная служба, при чем в некоторые дни она бывает ночью и мало кто посещает ее. В самые святые часы церкви пусты и народа нет, — он или спит, или занимается житейскими делами. Вот, например, в Великую Субботу мы начинаем службы при малом числе молящихся. А между тем это единственная в году служба по своему символическому значению, когда, так сказать, жизнь борется со смертью, свет со тьмою; когда половина службы посвящена воспоминаниям о смерти Спасителя, а половина Его славному воскресению, — и в это время мало бывает народа. Только проезжая к себе после богослужения, вижу на улицах множество людей, а кругом открытые лавки и бойкую торговлю. Тяжело бывает смотреть эту житейскую картину. Неужели трудно почтить страждущаго и умершаго Спасителя один раз в год? Неужели трудно оставить всю обычную суету, никому и не нужную, и принести песнь исходную Христу?

Итак, когда Спаситель плакал в воспоминаемый сегодня день об Иерусалиме, не плакал ли Он и о нас? Да, и о нас плакал, о наших изменчивых сердцах. Потому я желаю, чтобы священные восторги пред воспоминаемыми евангельскими событиями не остывали в ваших сердцах и чтобы вы не были подобны Иудеям, которые сегодня кричали «осанна», а чрез несколько дней «распни Его». Желаю и молюсь, чтобы мы, как во все дни эти, так и во всю свою жизнь воспевали: «осанна Сыну Давидову. Благословен грядый во имя Господне».

Слово Священномученика Кирилла (Смирнова), Митрополита Казанского и Свияжского (+1937г.) в Вербное Воскресенье

Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядый во имя Господне! Осанна в вышних! (Мф. 21, 9)

Этот клич народного приветствия раздавался у врат града Иерусалима и по стогнам иерусалимским в то самое время, когда книжники и фарисеи решили участь ненавистного им Учителя Галилейского, а нашего Господа Иисуса Христа. Они отдали уже приказ, чтобы всякий, кто узнает, где Христос находится, объявил им — и они схватят Его, чтобы предать смерти. Несмотря, однако, на это, Христос Господь идет в Иерусалим, как в Свой столичный город. Народ встречает Его пением «осанна»! — и никто не смеет прикоснуться к Нему.

Не свидетельствует ли это с очевидностью, что дело спасения нашего, страданиями Господа совершенное, осуществлено Спасителем не в зависимости от каких бы то ни было решений книжников и фарисеев, а как совершенно свободное изъявление Его благой воли, избравшей и час и день, какой Он Сам находил для сего благовременным и необходимым?

С другой стороны, этот восторг народный, таким пышным и светлым облаком окруживший Христа и заслонивший собою всю ненависть и злобу книжников и фарисеев, не свидетельствовал ли с ясностью, что несмотря на бездну падения, в которую погрузился человек, все-таки в глубине души его осталось довольно еще благородства и благоподобия, чтобы при виде истинного величия со всею восторженною искренностью воззвать: «Осанна!» Посему настоящий праздник есть и навсегда останется праздником торжества лучших сил и благороднейших движений души человеческой и всегда будет для нас источником светлой радости. Недаром мы и встречаем его с возжженными свечами.

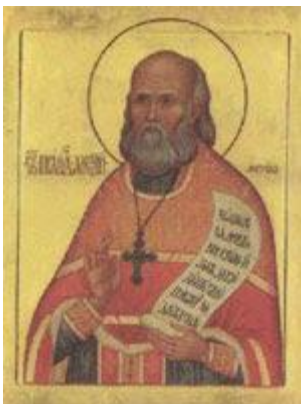
И Господь, благоволивший вызвать пред самими Своими страданиями весь этот восторг оказанной Ему народом встречи, тем как бы без слов вещал в отдаленнейшие глубины времен, что ведает Он достоинства души человеческой и с любовью готов вручить ей все блага искупления, которые идет приобрести путем Креста и погребения. Принимая эти приветствия, Господь как бы говорил: «Пусть люд, ликующий около Меня, сам видит теперь, что есть в нем силы сбросить с себя всякую грязь житейскую, всякую злобу и ненависть, и в подъеме лучших своих душевных движений доходит до вожденной высоты, до полного перерождения». Чрез несколько дней это торжественно подтвердил

благоразумный разбойник, первым вступивший в райские обители вместе со Спасителем Христом.

Но ободряясь и утешаясь отрадными упованиями, даваемыми нам настоящим праздником, не забудем все-таки, братие, что при входе в Иерусалим Господь наш явил миру и чувства скорби Своей. Он плакал об Иерусалиме, плакал о том равнодушии к спасению, о том упрямстве, с каким многие из современных Ему иудеев закрывали глаза на все явленные перед ними знамения посещения Божественного.

И этот плач Христов пусть служит нам предостережением не складывать рук и не успокаиваться только на вере в нашу способность к исправлению, к перерождению, но настойчиво работать над собою, над преодолением и вне себя, и в себе самих всякого зла, чтобы восходя, при помощи благодати Христовой, от силы в силу, достигнуть, наконец, горнего Иерусалима и вместе со всеми святыми в восторге нескончаемого блаженства воскликнуть там: «Осанна Сыну Давидову! Осанна в вышних!»

Слово Св. праведнаго Алексия (Мечева), пресвитера Московского († 1923 г.) в неделю Ваий

Прежде шести дней Пасхи прииде Иисус в Вифанию. Сотвориша же Ему вечерю ту. (Ин.12; 1,2)

Два обстоятельства из жизни Господа напоминает нам ныне чтение Евангельское. Одно из них – это скромная мирная вечеря Господа среди преданнейших Его друзей, другое – это торжественный вход Господа во Иерусалим.

Как ни различны эти описания по своей обстановке, но в них изображено одно: это выражение Господу чести, любви, преданности. Преподается урок христианину, что он может служить Господу двояким способом: один – это сокровенное добро нашего сердца, это чистый порыв души к делу милосердия, любви, сердечной преданности; другой – это общественные добродетели, это – видимые общепользные деяния, дабы светили они людям и доставляли торжество добру в мире. Не все же христианину жить в суете мира, в этом житейском круговороте, в этих мелких стремлениях и целях себялюбия и чувственности, в этой злобе насущного дня. Есть другая, высшая область, в которую хоть бы по временам возносился он и отдыхал бы душою своею, это – область сердца, согретого святым чувством любви к Богу, подвигом доброго дела, духом самой чистой молитвы.

Объясним оба описанные в Св. Евангелии случая, чтобы извлечь из них назидание для себя.

Совориша ему вечерю, идеже бе Лазарь и Марфа служаше.

Зачем это Евангелие рассказывает нам о таком самом простом случае? Но, во-первых, мы видим здесь малое общество самых искренних, преданных почитателей Господа, где не было ни врагов, коварно наблюдавших за каждым шагом Господа, ни посторонних, холодных зрителей, мешающих искренней сердечной беседе. Где найдешь ныне это искреннее, беззаветное сочувствие, эту преданность, это взаимное доверие, эту сердечность друг к другу? И на что променяли мы эти прекрасные заветы доброго старого времени? Себялюбие, тщеславие, какая-то холодность между самыми близкими людьми, эта неудовлетворенность семейною тихою средою – вот что внесло наше время в жизнь общества. Чаще же вспоминайте о вечери в Вифании, чтобы отвести душу от ледяющего веяния духа нашего времени.

Но не этим только назидательна вечеря Господа: среди вечери входит кроткая нежная Мария – сестра Лазаря, вселюбящая, благодарная, преданная; стыдливо опускается к ногам Господа, разливает драгоценное миро на Его главу

и ноги и безмолвно отирает их своими власами. Мир, в лице учеников Господа, осудил жену за этот поступок: к чему напрасная трата столь дорогого мира. Но Господь Сердцеведец видел больше. Он видел в Марии эту глубокую любовь, готовую на все жертвы, эту благодарность, не знающую как лучше выразиться, эту преданность, отдающую самое дорогое, это святое чувство, одушевляющее человека в минуту сильного радостного волнения. И Господь похвалил трепещущую Марию; Он поставил ее дело в пример всем временам: „ Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, скажется в память ее и о том, что она сделала.”

И сколько раз этот поступок Марии производил глубокое впечатление при чтении этого евангельского рассказа: не одна скорбящая душа умилялась, не одно холодное сердце смягчалось, и вставали святые помыслы, пробуждались добрые чувства, угасала страсть и недуг. В лице Марии возвышаются те люди, кои в тишине являют незримые миру, но великие перед Богом качества души: кто проникнут смиренным чувством, кто побеждает страсть гнева и себялюбия, кто устоял в честности, кто не пал в искушениях, не возроптал в скорбях, кто обладает кротостью, чистотою, всепрощением. В лице любящей Марии прославляется та любовь к ближнему, что сочувствует радости другого, что страдает скорбью брата, что отыскивает в нем искру добра, что прощает заблудшего, что плачет о погибающем человеке, что жертвует всем, всем своим дорогим из участия к горю и несчастью.

Чаще же вспоминайте о вечери в Вифании и подольше смотрите на этот прекрасный образ Марии – любящей, благодарной, беззаветно преданной Господу.

Но время обратиться и к самому событию сегодняшнего праздника. В первый раз Господь является в такой славе и величии. В течение трех лет Его жизни Его все видели кротким, смиренным, без всяких исканий чести и славы, а теперь Он входит по-царски – на молодом осле, в сопровождении ликующего народа, при громких восклицаниях: осанна! Его видели все за самыми скромными занятиями: на берегу моря, в лодке, у ловли рыбы, посреди колосившихся полей, в пустыне тихой и безмолвной, на горе в молитве, в кругу семейном. А здесь он шествует как победитель после славных завоеваний. Его сопровождают с зеленеющими ветвями, бросают к ногам Его одежды, восхваляют все подвиги и славные дела Его. И Он не отвергает их, не уклоняется, не негодует; Он среди этих знаков почести тихо подвигается к Иерусалиму. Почему? – Потому что величественное зрелище представляет народ, когда он воодушевлен одним религиозным настроением, когда всех охватывает одна искра священного восторга, когда все мелкие интересы, страсти честолюбия умолкают и виден один только порыв истинного чувства. Он знал, Всеведущий,

что под этим праздничным настроением кроются иные замыслы, таится дух вражды и зависти, что скоро эти радостные крики сменятся столь же дружным криком: „Распни Его”. Но Он допустил народу одну счастливую минуту войти в священное воодушевление, слиться в одном религиозном чувстве, записать лучшую страницу в жизни и истории своей. Благодарение Богу! Наше Отечество испытало эти счастливые минуты народной жизни, когда весь народ, как один человек, шли на защиту своего Отечества.

Почему еще Господь не отверг этих знаков чести и хвалы, приносимых Ему? – Потому что это всенародное неподкупное чествование могло остановить тайную вражду, могло вразумить слепотствующее заблуждение, рассеять мрак неверия, обратить мысли к великим подвигам добра, к чудесам милосердия Господа, к Божественному лицу Его. Великие дела добра, честности, безкорыстия, являемые с высоты, не проходят бесследно, они вызывают подражание себе, они сеют святые дела, они содействуют торжеству добра в мире. И если уже и они не производят действия, если и светлые примеры не переменяют черствой души: кто виноват в гибели? Вот почему Господь, сожалея об Иерусалиме, обратился к нему со словами: о, если б ты хоть в этот день твой узнал, что может спасти тебя. Но сие сокрыто от очей твоих. Какою горестью любящего сердца дышат эти слова Господа, и вместе как безотрадны они для Иерусалима: хоть в этот день твой; тебе дается еще урок, еще один день жизни, когда ты еще можешь возвратиться к себе милость Божию, еще не все потеряно, сделай одно усилие, пойми важность этого дня посещения Божия. Но нет, очи твои смежились, на тебя это сильное зрелище не действует, час твоей гибели, осуждения настал.

Пожелаем, чтобы в обществе нашем более светила нам общественная добродетель, чтобы более являлось мужей чести, добра и правоты, чтобы не были мы невнимательны к знамениям событий нашего времени.

Итак, в сегодняшнем празднике мы видим два примера чествования Господа – выражения любви, усердия, преданности Ему: один – тихая любовь Марии, принесшей жертву от сердца, и другой – это общенародное чествование Господа.